

УДК 94(4), 94(5)
DOI: 10.17223/19988613/65/6

В.В. Романова

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И ЕВРОПЕЙСКИЕ ЕВРЕИ В ГОДЫ НАЦИЗМА (1933–1945)

Освещается малоисследованный в отечественной историографии сюжет о роли Дальнего Востока в судьбе европейского еврейства в годы нацизма. Автор рассматривает позицию властей Японии, которые, несмотря на союзнические отношения с нацистской Германией, еврейских беженцев не преследовали, хотя и не оказывали им какой-либо существенной поддержки. В результате, несмотря на огромные трудности, некоторая, весьма немногочисленная, часть европейских евреев нашла убежище на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: евреи; нацизм; Европа; СССР; Дальний Восток.

В современной отечественной историографии истории евреев в трагические 1933–1945 гг. наиболее полно, насколько это позволяют источники, исследованы события, разворачивавшиеся в Европе, что совершенно понятно. Именно этот континент, демонстрировавший впечатляющие успехи в области культуры, науки, экономики, социальных и политических преобразований, стал ареной беспрецедентного этнического геноцида – тотального истребления евреев, осуществлявшегося нацистской Германией и ее приспешниками во многих странах Европы. Истребления, ставшего возможным в том числе при попустительстве правящих элит, нежелании, а потом и невозможности предотвратить трагедию, масштабы которой никто не мог предвидеть.

Между тем часть страниц этого периода истории европейского еврейства связана с Дальним Востоком. Как известно, с приходом Гитлера к власти в 1933 г. в Германии началась политика государственного антисемитизма, но, преследуя евреев, в первые годы правительство поощряло их выезд из страны.

В этой связи определенный резонанс вызвало сообщение, опубликованное в конце 1933 г. в Харбине газетой «Еврейская жизнь», издававшейся местной еврейской общиной. Речь шла о беседе сотрудника агентства «Эксчендж Телеграф» с П.Г. Смидовичем, возглавлявшим Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (Комзет) при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР, в ходе которой последний заявил о готовности Советского Союза предоставить убежище немецким евреям. «Если этот проект будет принят, – отметил Смидович, – СССР предложит новым эмигрантам образовать автономную республику на территории Биробиджана». Он не отрицал, что осуществление проекта будет связано с большими трудностями, но считал, что их «можно преодолеть, если руководители мирового еврейства пожелают оказать содействие колонизации Биробиджана» [1. С. 22–23].

Здесь следует напомнить, что в еще в марте 1928 г. советским руководством было принято решение о выделении на Дальнем Востоке Биробиджанского района для хозяйственного освоения «трудящимися евреями».

Поначалу переселение шло достаточно вяло. Дальний Восток рассматривался в качестве одного, но отнюдь не главного объекта еврейской колонизации наряду с областями степной Украины, Крыма и др. Ситуация резко изменилась в 1931 г., когда Япония оккупировала Маньчжурию и ввела туда Квантунскую армию. Стратегическое значение выделенной территории, находившейся как раз напротив, резко возросло. Это обусловило необходимость интенсификации ее заселения и хозяйственного освоения. Потребовалась масштабная кампания по пропаганде «биробиджанского проекта». Евреев агитировали за переезд на Дальний Восток, суля им не только широкие экономические возможности, но и перспективу создания там собственной государственности.

Существенной составной частью реализации советского проекта, противопоставлявшегося «палестинизму», была организация финансовой и моральной поддержки со стороны левых кругов зарубежной еврейской диаспоры. Эта задача возлагалась на учрежденный наряду с Комзетом Общественный комитет по земельному устройству трудящихся евреев (ОЗЕТ) во главе с Ю. Лариным (М.З. Лурье). При содействии Коминтерна ОЗЕТом стали создаваться соответствующие организации. Вскоре, они действовали в 20 странах мира [2. Л. 14–15]. Первоначально в советских планах «землеустройства трудящихся евреев» непосредственное привлечение на Дальний Восток иностранцев не предусматривалось. Однако вскоре советское руководство изменило свою позицию. Во многих странах местные группы содействия советским планам еврейской колонизации развернули кампанию по созданию групп переселенцев в Биробиджан, которая на первых порах давала определенные результаты. На пожертвования покупались тракторы, инструменты, медицинское оборудование и т.д., которые везли с собой отъезжавшие [3. Л. 116]. Контрольные цифры по «переселению в Биробиджан из-за границы еврейских рабочих» включались в планы работы ОЗЕТа [4. Л. 2]. Известно, что за период с 1 января по 24 августа 1932 г. в Биробиджан прибыли 586 человек [5. Л. 18]. Однако вскоре большинство из них покинули Дальний Восток. Причиной тому в первую очередь стал высо-

кий уровень ожиданий прибывших, сформированный соответствующей пропагандой. Действительность оказалась совсем иной: климатические условия были очень суровыми, земли сильно заболоченными, жилья катастрофически не хватало, а то, что имелось, не соответствовало не только санитарно-гигиеническим нормам, но и местным погодным условиям. Отсутствовала квалифицированная медицинская помощь. Было очевидно, что колонизация требовала огромных финансовых и людских ресурсов, которых не хватало.

Ставка большевиков на зарубежные левые еврейские организации была закономерной, но не приносила больших денег, и даже наоборот, требовала вложений в проводимые пропагандистские акции. Приход к власти в Германии Гитлера менял ситуацию. Советское руководство увидело возможности для привлечения в «биробиджанский проект» средств крупных еврейских благотворительных организаций. Очевидно, что принятие ЦИК СССР 7 мая 1934 г. постановления о преобразовании еврейского национального района в Еврейскую автономную область (ЕАО) в составе Дальневосточного края имело и внешнеполитический контекст. Здесь следует напомнить, что уже к концу 1934 г. Германию были вынуждены покинуть 60 тыс. евреев, и только 17 тыс. из них смогла принять Палестина. Остальные пытались осесть в странах Европы и США, которые не спешили распахнуть свои границы для еврейских эмигрантов [6. С. 119]. В этих условиях часть вполне респектабельных еврейских кругов за рубежом проявила интерес к советскому проекту.

В декабре 1934 г. вице-председатель палаты лордов британского парламента лорд Д. Марлей, председатель Международного комитета помощи жертвам германского нацизма, выступил с меморандумом, в котором призвал советское правительство установить хотя бы небольшую квоту для евреев из разных стран на переселение в ЕАО [7. Л. 23]. Особый отклик советское предложение вызвало в США. В 1934 г. по инициативе конгрессмена У. Кохена там была создана специальная организация – Комитет содействия Биробиджану, получившая название «Амбиджан» [8. Р. 5]. Она стала заниматься распространением информации о ЕАО и сбором средств для оказания ей финансовой помощи.

Известия о намерениях советского правительства несколько изменили негативную прежде позицию в вопросе об еврейской колонизации на Дальнем Востоке американского Агро-Джойнта. В 1934 г. в Биробиджан приезжал ее представитель Д. Розен, и, хотя перспективы освоения территории он оценивал не так оптимистично, как многие его соотечественники, вскоре организация начала поставки машин и оборудования в ЕАО.

В августе 1935 г. представители Амбиджана посетили Москву, где встретились с председателем Комзета С.Е. Чуцкаевым, сменившим на этом посту П.Г. Смидовича, и передали письмо, в котором запрашивалась информация по целому ряду вопросов, связанных с переселением в ЕАО. В официальном ответе Чуцкаев сообщал, что в 1936 г. предполагалось «принять около тысячи семей (или несколько тысяч человек), в первую очередь рабочих различных квалификаций, могущих

найти работу в Еврейской автономной области, из Польши, Литвы, Латвии, причем не исключается возможность приема в небольшом количестве рабочих и специалистов из других стран». Как видим, немецкие евреи не упоминаются вовсе, но и не исключается предположение об их возможном приеме. С.Е. Чуцкаев сообщал также, что все подробные условия переселения, а также даты его начала находятся в стадии разработки и «своевременно будут опубликованы». Вместе с тем он заявил, что «все допущенные к переселению лица должны принять советское гражданство, будучи еще за границей», они должны сами либо за счет благотворительных организаций оплачивать переезд в СССР и иметь при себе на семью или одного человека без семьи «250 рублей золотом или равной сумме в иностранной валюте». Этот ответ удовлетворил американцев [9. Р. 13]. Заручившись поддержкой Комзета, Амбиджан развернул в США активную работу по сбору денежных средств для потенциальных переселенцев из Европы на советский Дальний Восток.

К этому времени деятельность многих зарубежных организаций содействия ОЗЕТу сошла на нет. Некоторые из них были закрыты властями, как, например, польский «Агроид», другие перестали существовать вследствие отсутствия поддержки. Это затрудняло для желавших переехать в ЕАО возможность организационной и финансовой помощи. Нередко имели место случаи, когда люди приезжали в Биробиджан по линии «Интуриста», на месте принимали советское гражданство и оставались на жительство. Таким образом, например, в 1935 г. переехали 13 туристов из Литвы. В том же году прибыли евреи из Польши, Австрии, Чехословакии [10. Л. 48]. Однако неизвестно, сколько из них покинули область. Отток иностранцев особенно усилился после вышедшего в сентябре 1935 г. постановления Совнаркома «Об утверждении правил о порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное жительство в ЕАО», в соответствии с которым все въезжавшие должны были принять советское гражданство. Причем они должны были дать письменное обязательство работать в ЕАО в местах, указанных Комзетом и облисполкомом, в течение не менее трех лет на общеустановленных условиях переселения граждан СССР [11. С. 109]. Трудно определить, сколько иностранцев покинули область после этого постановления, но, по воспоминаниям прибывшего из США в Биробиджан Я. Гуревича, они составили большинство прибывших [12].

Тем не менее в январе 1936 г. в газете «Observer» (г. Нэшвил, штат Теннесси) была опубликована весьма характерная статья Дж. Маркуса, одного из крупных специалистов США в области внешней торговли. В ней автор, описывая тяжелую ситуацию, в которой оказались евреи Восточной Европы, называет создание в Советском Союзе «Еврейской автономной республики... лучом надежды, засиявшим в казавшейся безнадежной ситуации». Маркус утверждал, что «как только леса будут раскорчеваны пионерами переселения с помощью современной техники, выделенной советским правительством, как только земли будут подготовлены еврейскими фермерами, а также построены

дороги и дома, многим и многим тысячам нерусских евреев будет позволено приехать на свою новую Родину» [13. Л. 88]. Трудно понять, чего больше в этой статье: незнания реальной ситуации, сложившейся в Биробиджане и вокруг него, или стремления выдать желаемое за действительное. Не исключено, что комплементарный тон статьи имел наивную цель подвинуть советскую сторону на более активные действия в желаемом направлении.

В том же году состоялось выступление по радио конгрессмена В. Маркантонио на тему «Антисемитизм и Биробиджан», в котором он сообщал о благородных намерениях советского правительства и призывал слушателей сдавать деньги для переезда еврейских семей из Польши, Германии и Прибалтики в Биробиджан [14. Р. 11].

В марте 1936 г., очевидно, с целью выяснения соответствующей позиции советской стороны Амбиджаном в Вашингтоне был устроен обед в честь полпреда СССР в США А. Трояновского. На нем присутствовали 700 представителей общественных и политических кругов страны. Были оглашены приветствия министра почт США, ряда сенаторов, губернатора Нью-Йорка. Однако в информации об этом событии, помещенной в «Известиях ВЦИК», ничего не сообщалось о столь волновавшей американцев проблеме европейских евреев [15]. Вскоре, 12 апреля 1936 г., Амбиджан направляет советскому правительству заявление о положении еврейских граждан в странах фашистских режимов, в котором выражалась надежда на возможность их переселения в Биробиджан. Оно осталось без ответа, как и другое, от 4 августа 1937 г., в котором, в частности, отмечалось: «Американский комитет снова обращает внимание Комзета и через него советского правительства на критическое положение евреев в фашистских странах. В этих условиях даже самые скромные начинания в деле переселения некоторых из этих евреев в Еврейскую автономную область будут приняты не только нашей организацией, но и общественным мнением вообще как большой и щедрый жест, обнадеживающий и ободряющий все демократические силы, озабоченные судьбой евреев, как символ просвещенной политики советского правительства в отношении национальных и расовых меньшинств» [16. Л. 3].

«Большой и щедрый жест» советского правительства был встречен с энтузиазмом американской левой еврейской организацией «Икор», оказывавшей активную помощь «биробиджанскому проекту» с самого начала. Главным направлением ее деятельности в этот период становится популяризация, как считалось, решения советского правительства в отношении восточноевропейских евреев. Необходимо было внушить потенциальным переселенцам, что в ЕАО их ждут замечательные перспективы. В течение 1937 г. издававшийся Икором журнал «Nailebn» публиковал серию очерков о семьях, выехавших в начале 1930-х гг. из США в Биробиджан и принявших советское гражданство. Все они, как отмечалось в публикации, прекрасно устроились на новом месте, обеспечили себе и своим детям уверенность в завтрашнем дне [17].

В начале декабря 1937 г. уже Икор устраивает в Вашингтоне встречу с А. Трояновским, на которой советский дипломат, как утверждал «Nailebn», подтвердил намерение СССР принять польских и литовских евреев, как только будут созданы для этого условия [18. Р. 11].

Между тем в том же году НКВД стал составлять подробные списки евреев, прибывших в ЕАО из-за рубежа, начались фабрикация дел. Обвинения были традиционными для тех лет: шпионаж в пользу той или иной капиталистической державы, контрреволюционная и подрывная деятельность, саботаж. Так, в 1938 г. была «разоблачена» якобы шпионская организация, действовавшая, как указывалось в деле, «по инструкциям германской и польской разведок». Среди обвиняемых были и евреи, прибывшие из Европы. Спасшись от нацизма, они стали жертвами сталинского террора.

Заключенный в 1939 г. пакт Молотова-Риббентропа и начавшаяся вскоре Вторая мировая война окончательно сняли с повестки вопрос об использовании советской еврейской автономии на Дальнем Востоке для спасения европейских евреев. Хотя здесь следует отметить, что руководство нацистской Германии такой возможности, разумеется, исходя из собственной мотивации, не исключало и в начале 1940 г. Об этом свидетельствует записка, направленная В.М. Молотову начальником Переселенческого управления при СНК СССР Е.М. Чекменевым 9 февраля 1940 г. Приведем ее полностью: «Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского Переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР – конкретно в Биробиджан и Западную Украину. По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские. Считаем, что предложения указанных Переселенческих бюро не могут быть приняты. Прошу указаний. Приложение на 6 листах» [19. Л. 1]. (При этом указанное в документе приложение в архивном деле отсутствует, так же как и запрашивавшиеся указания.) Как видим, евреи в этом перечне не упоминаются, хотя к этому времени уже были широко известны и «хрустальная ночь» в Германии, и действия нацистов в отношении евреев Австрии, Чехословакии, Польши и других стран.

Таким образом, «биробиджанский проект» так и не сыграл существенной роли в деле спасения евреев Европы от надвигавшейся трагедии. Тем не менее в предвоенные годы Советский Союз внес в него определенный вклад. Речь идет о транзитных перевозках Транссибом еврейских беженцев, которые устремились на Дальний Восток в поисках спасения. Ситуация в Европе осложнялась, опасность для евреев неуклонно нарастала, а возможности для спасения сужались. Как известно, состоявшаяся в июле 1938 г. Эвианская конференция с участием представителей 32 стран, решавшая вопросы помощи еврейским беженцам, положительных результатов практически не дала. Из всех участников только Доминиканская Республика согла-

силась на прием беженцев [20]. С ноября 1938 г. еврейские беженцы из европейских стран стали прибывать на Дальний Восток [21. С. 15]. Значительное их число направлялось в китайский Шанхай, где имелся Международный селтльмент. Въезд в него не требовал виз.

Здесь следует отметить, что, несмотря на установление союзнических отношений с нацистской Германией в рамках заключенного в ноябре 1936 г. Антикоминтерновского пакта, Япония, оккупировавшая Маньчжурию, а затем в ходе Японо-китайской войны Шанхай и другие города, не преследовала евреев на захваченных территориях. В самой Японии их было не так много, но они присутствовали на территории Китая. В Шанхае существовали сефардская и ашкеназийская общины. Имелись еврейские общины и в Маньчжурии, на территории бывшей полосы отчуждения КВЖД, состоявшие, главным образом, из выходцев из России.

Японское правительство не сразу выработало свою позицию в вопросе о еврейских беженцах. Наконец к декабрю 1938 г. официальный Токио определился. На состоявшемся совещании руководителей пяти ведущих министерств Японии были одобрены сформулированные военным министром Итагаки Сэйсиро принципы политики в отношении евреев, как проживавших в Японии, Маньчжурии и Китае, так и беженцев из Европы. Что касается последних, то к ним предписывалось применять иммиграционные правила, общие для всех иностранцев [22. Р. 111].

Путь многих беженцев, ехавших на Дальний Восток, лежал далее через созданное Японией в 1932 г. марионеточное государство Маньчжоу-Го. Японские военные не позволяли беженцам селиться на его территории, но разрешали им краткую остановку по пути следования. И здесь прибывавшие всегда встречали помощь и поддержку своих соплеменников. Особенно активной в этом направлении была деятельность самой многочисленной и влиятельной местной общины – харбинской. Ее в течение многих лет возглавлял доктор А.И. Кауфман – талантливый организатор, убежденный сионист, принимавший в студенческие годы, проведенные в Швейцарии, активное участие в международной сионистской деятельности и знакомый со многими выдающимися еврейскими фигурами своего времени. В 1937 г., понятно, что с одобрения японцев, в Харбине был создан Национальный совет еврейских общин Дальнего Востока во главе с А.И. Кауфманом. Авторитет А.И. Кауфмана среди японцев, его талант организатора и высокие моральные качества сыграли огромную роль в деле помощи европейским собратьям, приехавшим на Дальний Восток в поисках спасения.

Вот как описывал прием одной из групп, прибывшей в Харбин, журнал «Еврейская жизнь» в декабре 1938 г.: «Местная еврейская общественность приняла горячее участие в судьбе этих несчастных людей, жертв антисемитизма. Исполнительный комитет Национального совета и комиссия помощи беженцам при Национальном совете организовали всю помощь им, начиная от встречи на вокзале и кончая их отъездом из Харбина. Еврейская столовая, комиссия во гла-

ве с председательствующим С.З. Гинзбургом и дамами-членами комиссии оказали им помощь пищей – прекрасный горячий ужин и обед. Беженцам была также оказана помощь одеждой, бельем и обувью, а также им выдали материальную помощь на путевые расходы». Нередко приезжие, вынужденные задерживаться на 2–3 дня в городе, гостили в еврейских семьях, получая все необходимое, в том числе медицинскую помощь [23. С. 91].

Прибывавшие в Шанхай еврейские беженцы селились на территории Международного селтльмента, французской концессии, а также в районе Хонкью, находившемся под японской юрисдикцией. На первых порах они не знали правовых ограничений. Были созданы комитеты помощи. Местные общины, как сефардская, так и ашкеназийская (последнюю возглавлял бывший житель Владивостока Б.Л. Радомишельский), а также общины Харбина, Тяньцзина, Дайрена и других городов Маньчжурии, состоявшие, как отмечалось, в основном из российских евреев-эмигрантов, оказывали им посильную поддержку. Существенной была поступающая из-за рубежа помощь от еврейских благотворительных организаций, а также от родственников, проживавших в более благополучных странах.

Сами беженцы показали довольно высокую степень самоорганизации. Среди них много было людей образованных, творческих. Оказавшиеся в Шанхае в большом количестве музыканты, певцы, художники активно включились в культурную жизнь города, придав ей новое, европейское звучание. В городе издавалось несколько еврейских «беженских» газет на немецком языке, функционировали синагоги, национальные школы, Еврейский народный университет.

Сюда же перенесли свою деятельность некоторые международные еврейские организации, например Центральное еврейское международное бюро, Общество ремесленного труда. Последним были открыты различные курсы: столярные, слесарные, кройки и шитья и др. [24. С. 18]. Посещавшие их беженцы приобретали новые профессии в надежде найти работу. Люди пытались трудоустроиться, своими силами обеспечивали порядок в общественных местах, организовывали различные спортивные секции, музыкальные и артистические кружки – изо всех сил старались не падать духом. Но ситуация быстро ухудшалась. Прибытие большого числа беженцев создало для города массу проблем, с которыми все труднее было справляться. В этой связи в конце 1938 г. муниципальный совет Международного селтльмента Шанхая рекомендовал властям запретить еврейским беженцам въезд в город. Но МИД Японии не поддержал это решение как противоречившее его позиции в «еврейском вопросе». Вместе с тем в высших кругах страны не было единства взглядов на эту проблему, к тому же все больше ощущалось давление Германии.

Вскоре, в августе 1939 г., незадолго до начала Второй мировой войны, МИД Японии разослал всем генеральным консулам письма, в которых сообщалось об изменении официальной позиции в отношении еврейских беженцев: дальнейшая иммиграция на все оккупированные территории объявлялась нежелательной,

для тех, кто въехал ранее, обязательной стала регистрация [25. Р. 116]. Это решение было позитивно воспринято как муниципальным советом сэттльмента, так и французской концессией. Однако на деле еврейская иммиграция, хотя и в меньших масштабах, продолжалась. Очевидно, какой-то, очень незначительной, части беженцев все-таки удалось осесть в Маньчжоу-Го. Так, «Еврейская жизнь» сообщала о «поступлении в Харбин» в 1939 г. 168 беженцев [21. С. 17].

С нападением 1 сентября 1939 г. Германии на Польшу, на территории которой исторически проживала значительная часть европейского еврейства, беженский поток в Европе возрос. Однако бежать практически было некуда. В этих условиях путь через территорию СССР остался для некоторой части еврейских беженцев единственной возможностью вырваться из Европы и попасть на Дальний Восток. Далее многие из них собирались выехать в США через Японию или Китай, хотя американские иммиграционные квоты были весьма жесткими [26]; кто-то надеялся устроиться в Шанхае, некоторые стремились в Палестину.

В конце 1939 г. перед НКВД СССР был поставлен вопрос о возможности транзитного проезда через советскую территорию еврейских беженцев из Польши, а также евреев, проживавших в Прибалтийских странах. Советская сторона дала согласие на пропуск нескольких тысяч беженцев. В докладной на имя наркома иностранных дел В.М. Молотова его заместитель В.Г. Деканозов 21 апреля 1940 г. сообщал: «Учитывая, что НКВД в принципе не возражает против организации транзита указанных евреев через СССР, что этот вопрос несколько раз ставился не только самими транзитниками и “Интуристом”, но и по инициативе иностранных правительств, и, наконец, что при существующей ситуации транзит через СССР является не только кратчайшим, но и наиболее безопасным путем следования в Палестину, я полагаю бы возможным разрешить “Интуристу” принять на себя организацию транзита евреев в Палестину через СССР...» [27. С. 156]. Указание на Палестину как конечную цель беженцев выглядит несколько странным, поскольку еще в 1939 г. британские власти резко ограничили въезд евреев на ее территорию. Однако следует отметить, что, несмотря на жесткое противодействие Великобритании, рядом еврейских организаций осуществлялась нелегальная иммиграция в Палестину, продолжавшаяся всю войну, к чему СССР не имел отношения [28. С. 127–130].

Дальний Восток оставался для евреев Европы одной из немногих надежд на спасение. Но с расширением военных действий добираться до него становилось все труднее. Количество беженцев существенно сократилось. После вступления в войну в июне 1940 г. Италии закрылась паромная линия «Генуя–Шанхай». Огромной проблемой было получение транзитной визы. Кроме того, как писала в июле 1940 г. «Еврейская жизнь», бесподанные, а также находившиеся в оккупированной Польше не имели права проезда через СССР; через территорию Маньчжоу-Го не могли ехать те, кто получил разрешение на въезд Международного сэттльмента Шанхая [29. С. 13]. Самыми удачливыми

были обладатели виз США и стран Латинской Америки, сумевшие заранее купить оплачивавшиеся, как правило, Джойнтом билеты на пароход, что обеспечивало получение транзитных виз в Европе. Видимо, этим объясняется то обстоятельство, что они составляли в этот период большую часть приехавших на Дальний Восток. Так, например, в середине июля 1940 г. из 169 человек, проследовавших транзитом через Харбин, 140 направлялись через Иокогаму в Америку [30. С. 15]. Они также делали остановку в японском Кобэ, где их встречали и оказывали необходимое содействие представители местной еврейской общины [31. С. 3].

Летом 1940 г. СССР присоединил, как известно, Эстонию, Латвию и Литву, и в июле советское правительство потребовало, чтобы все иностранные дипломаты, находившиеся в прибалтийских республиках, выехали из страны. Японское консульство в Литве получило разрешение на продление своей работы на месяц, до 5 сентября 1940 г. [27. С. 157]. На этот месяц приходится самоотверженная деятельность японского вице-консула в Каунасе Т. Сугихара, спасшего немало жизней [32. С. 184–200]. Советские власти обещали беженцам транзитную визу при условии, что у них будет японская.

Началась дипломатическая подготовка к транзиту через СССР этой группы беженцев. Первоначально предусматривалась их перевозка по Транссибу до Владивостока, где они должны были пересаживаться на японские судна и следовать дальше. Вскоре советским должностным лицам стало понятно, что для города это будет непростой проблемой. В этой связи японской стороне было предложено часть пассажиров доставлять не во Владивосток, а до границы с Маньчжоу-Го, откуда они смогли бы въехать в Японию. Это стало темой беседы заведующего консульским отделом НКВД Г.Н. Зарубина с первым секретарем посольства Японии в Москве К. Сайто 1 и 22 февраля 1941 г. Речь шла, по словам советского дипломата, о 700–800 беженцах. Предполагалось, что «они будут следовать группами по 50–100 человек и должны будут проехать в марте–апреле» [33. Л. 39]. И хотя японская сторона обещала содействие, проблемы начались уже с первой группой, прибывшей во Владивосток. 2 марта 1941 г. японский пароход «Амакуса-мару» забрал там 416 беженцев для последующей отправки в Америку. 13 марта судно прибыло в порт Кобэ, однако японские власти не разрешили высадиться 74 из них ввиду проблем с документами. Капитану судна было приказано отправить их обратно во Владивосток, а «японскому консулу было дано указание впредь таких пассажиров не направлять в японские порты». Следующую группу из 100 человек японские власти принять отказались [Там же. Л. 86].

Пароход «Амакуса-мару» 18 марта привез 74 беженца обратно во Владивосток, но местные власти не разрешили спустить их на берег ввиду того, что «транзитные визы... были оформлены правильно и никаких оснований для выводов к высадке их капитаном заявлено не было». На помощь пришел американский консул. В результате 21 марта 1941 г. «Амакуса-мару»

забрал обратно всех находившихся на борту беженцев, а также еще 115 человек и отбыл в Цуругу. Однако японский МИД был недоволен. 26 марта представителю советского полпредства был заявлен протест по поводу того, что советские власти во Владивостоке отказались принять обратно 74 беженца. Ему сообщили, что с очередным пароходом во Владивосток будет возвращено 8 человек с просьбой не отправлять их обратно в Японию, и что на японские пароходы будут допускаться только те эмигранты, которые в своих паспортах будут иметь особую отметку японского консула [33. Л. 87]. Американский консул во Владивостоке также отказался впредь выдавать въездные визы эмигрантам, направлявшимся в США, ссылаясь на то, что этот вопрос находится в компетенции американского посольства в Москве и американского консульства в Токио [Там же. Л. 88].

Ситуация для советской стороны складывалась непростая. Во Владивостоке скопились 166 человек беженцев [Там же]. Как сообщал заместитель председателя правления «Интуриста» Алимов нарком внешней торговли СССР А.И. Микояну, прося о поддержке, эта «группа загрузила гостиницу и затрудняет обслуживание и размещение проезжающих через Владивосток иностранцев, не говоря уже о нежелательности такого длительного пребывания группы иностранцев в пограничном городе» [27. С. 174].

О состоянии несчастных беженцев не поднимал вопрос никто из чиновников – как советских, так и иностранных. Но, в отличие от других стран, в СССР в силу известных причин совершенно исключалась помощь им со стороны местного еврейского населения, что делало ситуацию еще более драматичной. Один из беженцев, проезжавший транзитом через Владивосток и встречавшийся с застрявшими там собратьями по несчастью, писал: «Отчаявшиеся беженцы во Владивостоке терпели нужду и голод. Денег у них нет. Прожить день – для них целая проблема. Так жили в городе, как на острове, без друзей, без связи с миром». Они вынуждены были регулярно ходить на вокзал, где делал остановку поезд, везший беженцев в Японию, и просить деньги, зная, что их все равно следует оставлять в СССР. А еще они передавали телеграммы еврейской общине Кобэ [34. С. 11].

Для разрешения возникшей во Владивостоке проблемы 26 марта 1941 г. врио зав. консульским отделом МИДа В.А. Беляев имел встречу с секретарем японского посольства Сумино и просил ускорить отправку всех, кто имел японские визы. В дневнике советского дипломата имеется любопытный фрагмент записи этой беседы: «Сумино обещал о моей просьбе доложить начальству. Затем он полушутя, полусерьезно сказал – а может быть, советские власти разрешат этим лицам поселиться в Биробиджане, они бы очень помогли выполнению там плана. Я ответил, что, во-первых, эти лица не ставят этого вопроса, а во-вторых, Биробиджан не нуждается в чьей бы то ни было посторонней помощи для выполнения своего плана» [33. Л. 59]. Спустя несколько дней, 1 апреля, Г.Н. Зарубин вновь встречался с Сумино по его просьбе для решения вопроса о находившихся во Владивостоке «транзитных

пассажирах-эмигрантах». Понятие «еврейские беженцы» чиновниками в беседах деликатно не использовалось. Сумино сообщил советскому дипломату, что «таких транзитных пассажиров-эмигрантов в настоящее время в Японии скопилось свыше двух тысяч и что вследствие изменения порядка въезда в страны, куда они следуют, все эти эмигранты в Японии и выехать никуда не могут, и их никто не принимает, поэтому японское правительство не знает, что с ними сейчас делать, и оно вынуждено было принять меры к сокращению дальнейшего въезда их в Японию» [Там же. Л. 65].

На самом деле в это время в Кобэ скопилось большая группа польских евреев. Малочисленная городская еврейская община оказалась не в состоянии оказать им необходимую помощь и обратилась в Национальный Совет евреев Дальнего Востока с просьбой собрать для них одежду. 14 марта 1941 г. «Еврейская жизнь» опубликовала на своей первой странице обращение под заголовком «Помогите!». В нем указывалось, что эти люди были вынуждены находиться в Японии в ожидании визы уже несколько месяцев и пребывали в ужасном состоянии: «Они бежали без оглядки, лишь бы спасти свою жизнь. Они бросили все на произвол судьбы. Без средств, без всего. Они нашли временный приют в Вильне. Но изменились условия и в литовской Вильне, и они бегут дальше!.. Американские еврейские организации “Джойнт” и “Хиас” несут о них большие заботы, хлопоча о визах, давая средства на билеты, но большинство из них босы и голы. Им нужны одежда, обувь, белье. Эту заботу должны взять на себя мы, дальневосточные евреи. Мы должны протянуть им братскую руку помощи». И, следует отметить, российские евреи, проживавшие в Маньчжурии, оказывали им посильную помощь, как и беженцам, находившимся в Шанхае. Несмотря на ограничения въезда, по состоянию на 1 января 1941 г. в этом городе проживали около 25 тыс. еврейских беженцев из Европы, и их положение было весьма тяжелым [35. С. 22]. Однако проблемы этих несчастных советские официальные лица, понятно, не интересовали. В упоминавшейся выше дневниковой записи беседы от 1 апреля 1941 г. Г.Н. Зарубин так описал свою реакцию на жалобы японского дипломата по поводу сложной ситуации с еврейскими беженцами: «Я ответил Сумино, что нас не касается, что думать делать японское правительство с уже находящимися эмигрантами в Японии, – это дело самих японцев, и подтвердил свое категорическое требование из Владивостока лиц, имеющих транзитные визы, вывезти с первым же пароходом» [33. Л. 65]. Действительно, главной была задача как можно скорее передать их Японии. Ситуация была разрешена в начале апреля 1941 г., когда большая часть беженцев, имевших японские визы, покинула Советский Союз. Как сообщал дипагент НКВД из Владивостока 9 апреля, в городе оставались еще 55 человек, имевших въездные визы в США и Чили, в Шанхай и следовавших на голландский остров Кюрасао. Последний пароход с еврейскими беженцами из Владивостока отправился в Японию 20 июня 1941 г. [Там же. Л. 89]. Начало Великой Отечествен-

ной войны стало и началом массового истребления евреев. Практически все дороги к спасению были отрезаны.

В декабре 1941 г. нападением на американскую базу Пёрл-Харбор Япония развязала войну против США. Военные полностью оккупировали Шанхай, и все граждане, имевшие паспорта стран-противников, в том числе евреи, были интернированы в специальные лагеря. Это не затронуло жителей Французской концессии, так как правительство Виши было союзником Германии.

С началом войны на Тихом океане положение еврейских беженцев стало стремительно ухудшаться. Сократилась, а затем и вовсе прекратилась помощь со стороны американского Джойнта. Возможности самостоятельно зарабатывать на жизнь постоянно сужались. Большинство беженцев не могли обходиться без помощи благотворительных организаций и специальных беженских комитетов, средства которых быстро таяли. Ситуация обострялась. Ее достаточно красноречиво характеризуют названия статей в «Еврейской жизни»: «Помогите! (К катастрофическому положению еврейских беженцев в Шанхае)» – январь 1942 г.; «В Шанхае беженская проблема вновь обостряется. (На помощь от Джойнта рассчитывать не приходится. – Средства всех беженских организаций подходят к концу. – Беженские госпитали закрываются. – Прекращается помощь продовольствием)» – июль 1942 г.; «Жатва смерти среди еврейских беженцев Шанхая» – сентябрь 1942 г.

Одновременно Япония изменила политику по отношению к евреям, принципы которой были сформулированы на совещании пяти министров в декабре 1938 г. В начале 1942 г. министр иностранных дел страны проинформировал японских дипломатов, находившихся в Маньчжурии, Пекине, Шанхае и Нанкине, о том, что к германским евреям следует относиться как к лицам без гражданства (т.е. «беспаспортным»), евреям из нейтральных стран в случае, если они могут быть полезными Японии, демонстрировать дружелюбие, за остальными необходимо тщательно наблюдать, чтобы исключить шпионаж. Окончательно точка зрения официального Токио определилась в марте того же года. В соответствии с ней еврейским беженцам, за небольшим исключением, запрещался въезд на территории, находившиеся под контролем Японии. За всеми евреями надлежало тщательно наблюдать с целью предотвращения враждебных действий. При этом отмечалось, что абсолютно негативная позиция по отношению к евреям противоречила бы принципам «Восемь углов мира под одной крышей» (т.е. под гуманным управлением японского императора), а потому недопустима [25. Р. 120].

В феврале 1943 г. японские власти объявили о том, что до 18 мая все евреи без гражданства (так называемые «беспаспортные»), прибывшие в Шанхай до 1937 г., должны переселиться в район Хонкью и не покидать его без специального разрешения, в противном случае их ожидало наказание. К этой категории относились почти 20 тыс. беженцев. Это были в основном германские и австрийские евреи, а также граждане тех госу-

дарств, которые, как считали японцы, прекратили свое существование – Польши, Чехословакии, Латвии, Эстонии и Литвы. Китайскому населению Хонкью было предписано освободить места для беженцев [36. С. 11]. В издававшейся в Шанхае еврейской газете «Наша жизнь» 14 мая 1943 г. было опубликовано специальное разъяснение директора созданного японцами бюро по делам беспаспортных беженцев Т. Куботы. В нем утверждалось, что «район ограниченного жительства не является ни гетто, ни тюрьмой, но районом, в котором беженцев ждет будущее, в котором они смогут создать себе убежище для мирного жительства и личного благополучия» [37. С. 73]. За отказ переселиться в «убежище для мирного жительства» грозил арест. Скорее всего, решение о переселении в гетто беженцев, проживавших в Шанхае, было принято под давлением нацистской Германии. Кроме того, в условиях войны для японского руководства отпала необходимость оглядываться на общественное мнение США и рассчитывать на еврейские капиталы. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что созданное японцами гетто (а они всячески избегали употребления этого термина) имело мало общего с созданными нацистами на территории Европы. Тем не менее охрану вокруг «ограниченного района» несли японские солдаты, и для выхода необходимо было получить специальное разрешение. С 11 часов вечера действовал комендантский час. Жизнь в гетто, по многочисленным воспоминаниям его бывших обитателей, была тяжелой: холодные зимы и удушающая летняя жара, антисанитарные условия, ветхие здания без водопровода и канализации, перенаселенные сверх предела. По мере расширения военных действий она становилась все трудней. В среде беженцев свирепствовали холера, дизентерия и брюшной тиф. Постоянно росла нищета. Многие скончались в результате болезней и хронического недоедания [38. С. 21–22].

В конце июля 1945 г. в Шанхай проникли первые сообщения о Холокосте в Европе. Они вызвали ужас среди евреев. В Хонкью стали циркулировать слухи о том, что согласно союзническому договору с нацистской Германией японцы уничтожат его обитателей, но это не имело под собой никаких оснований. В августе от российских евреев стало известно о вторжении советских войск в Маньчжурию и об атомной бомбардировке Хиросимы. День, когда произошла капитуляция Японии, завершил существование еврейского гетто Хонкью. Но его обитатели не сразу покинули Шанхай. Большинству из них ехать было некуда. На стенах домов в Хонкью Красный Крест и Еврейское агентство вывешивали длинные скорбные списки жертв геноцида. Ошеломляющее впечатление на всех произвели демонстрировавшиеся в городе американские фильмы об освобождении нацистских концлагерей. Только теперь еврейские беженцы стали осознавать глубину и масштабы произошедшей трагедии. Они поняли, что, несмотря на все перенесенные страдания, лишения и трудности, пребывание на Дальнем Востоке спасло им жизнь.

Таким образом, Дальний Восток в рассматриваемый период дал очень небольшой части европейского

еврейства шанс на выживание. К сожалению, несмотря на создание на советском Дальнем Востоке ЕАО, эта территория не стала убежищем для беженцев европейских государств, хотя объективно спасла часть евреев, переехавших туда из западных областей Советского Союза. Вместе с тем, территория СССР стала транзитом для нескольких тысяч европейских евреев, спасавшихся от нацизма. Предоставляя им проезд по Транссибу до Владивостока, в Москве исходили, очевидно, из целого ряда соображений, в том числе финансовых и внешнеполитических. Вопрос о мотивах

советского руководства требует дополнительного исследования, особенно в контексте отношений СССР с Японией в указанный период. Вместе с тем, как это ни парадоксально, шанс на спасение немногочисленные еврейские беженцы из стран Европы, добравшиеся до Дальнего Востока, получили в Китае, оккупированном Японией. Несмотря на союзнические отношения с нацистской Германией, правящие круги этой страны не проводили антисемитскую политику по многим причинам, хотя в их ряду сострадание к гонимым не значилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еврейская жизнь. 1933. № 44-45.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9498. Оп. 1. Д. 269.
3. Государственный архив Еврейской автономной области (ГА ЕАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 412.
4. ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 70.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 459.
6. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М. : Междунар. отношения, 2003. 784 с.
7. ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 459.
8. Архив YIVO. Нью-Йорк, США // Birobidjan and the Jews in the Post-War World. New York, 1943. P. 5.
9. American Jewish Archives. Цинциннати, США // Marcus Collection. Ambijan Bulletin. 1947. Vol. VI, April, № 3.
10. ГАРФ. Ф. 7541. Оп. 1. Д. 815.
11. Вайсерман Д. Как это было? Биробиджан, 1993. 224 с.
12. Личный архив автора.
13. ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 439.
14. Nailebn. 1936. September.
15. Известия ВЦИК. 1936. 15 марта.
16. ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 95.
17. Rovner A. Pen Portraits of American Jews in Birobidjan // Nailebn. 1937. April.
18. Nailebn. 1938. March.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 489.
20. Эвианская конференция // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/holocaust/14977/> (дата обращения: 30.07.2019).
21. Еврейская жизнь. 1940. № 1-2.
22. Goodman D., Miyazawa M. Jews in the Japanese Mind: the History and Uses of Cultural Stereotype. New York, 1995. 360 p.
23. Фридман М. Харбинская еврейская община под руководством д-ра А.И. Кауфмана // Бюллетень Июцей Син. Тель-Авив, 1999. № 361.
24. Изгур А. Шанхай – дальневосточный еврейский центр // Еврейская жизнь. 1941. № 50-51.
25. Krebs G. The «Jewish Problem» in Japanese-German Relations, 1933–1945 // Japan in Fascist Era / ed. by B. Reynolds. New York – Hampshire, 2004. P. 107–132.
26. Беженцы // The Holocaust Encyclopedia // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/refugees> (дата обращения: 31.07.2019).
27. Гусева Е. Японский Валленберг // Международная жизнь. 2013. Сентябрь.
28. Масюкова И.В. Еврейская иммиграция в Палестину в контексте Второй мировой войны // Палестина и Израиль от Второй мировой войны до наших дней / отв. ред. Т.А. Карасова; ред. Д.А. Марьяс. М. : ИВ РАН, 2006. С. 119–133.
29. Еврейская жизнь. 1940. № 29.
30. Еврейская жизнь. 1940. № 30.
31. Еврейская жизнь. 1940. № 28.
32. Альтман И.А. Праведник народов мира Чинэ Сугихара // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 184–203.
33. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 0146. Оп. 24. П. 227. Д. 46.
34. Беркович А. От Ковно до Шанхая // Еврейская жизнь. 1943. № 7.
35. Гинзбург А. Эмигрантская еврейская колония в Шанхае // Еврейская жизнь. 1941. № 11.
36. Росс Дж. Шанхайское гетто // БИИС. 2007. № 394.
37. БИИС. 2001. № 369.
38. Фишков С. В ожидании окончания войны // БИИС. 2003. № 377.

Viktoria V. Romanova, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, the Ministry of Health of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: victoryarom@yandex.ru

THE FAR EAST AND EUROPEAN JEWS DURING THE NAZI PERIOD (1933-1945)

Keywords: Jews, Nazism, Europe, USSR, Far East.

The paper examines a little-studied story about the role of the Far East in the destiny of European Jews during the tragic years of Nazism. The author uses declassified files from federal and regional archives in Russia, i.e. The State Archive of the Russian Federation, The Russian State Archive of Socio-Political History, The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, The State Archive of the Khabarovsk Territory, The State Archive of the Jewish Autonomous Region, as well as the Jewish periodicals from the international archives, namely The Association of Former Jewish Residents of China in Israel 'Igud Yotzei Sin' (Tel-Aviv), YIVO (New York) and the American Jewish Archives (Cincinnati).

After Adolf Hitler came to power in Germany in 1933, the Soviet leadership saw a chance for attracting more support for a Jewish autonomy in the Soviet Far East, and promised to accept a certain number of Jews from Europe. This attracted interest from a number of representatives of international Jewish diaspora, who were negative about the "Birobidzhan project" before. Now they hoped to save at least a part of the Jews from the mortal danger, while the most of countries were reluctant to accept these refugees. Nevertheless, this

hopeful promise of Soviet leadership was not delivered mostly due to the political regime that took shape in the USSR. At the same time, the Soviet Union allowed the transfer of Jewish refugees via its territory to Japan, China and other countries. The Jews were transported by the Trans-Siberian Railway network to Vladivostok, and then boarded to the Japanese vessels.

Despite the allied relations with Nazi Germany, Japanese authorities did not pursue an anti-Semitic policy due to both historical and political reasons. The Japanese military on the occupied territories neither persecuted the Jewish refugees, nor provided a substantial support to them.

A special attention is paid to the destiny of European Jews, who reached Shanghai and settled there. The local and international Jewish organizations provided charity support for 20 thousand of refugees settled in the city. Despite harsh material conditions, the refugees were not discriminated. However, presumably under the pressure of Germany the Japanese occupation authorities eventually created the ghetto in 1943. It had nothing in common with the ghettos in Europe, although it was a sore trial for its inhabitants. At the same time, through all the hardships at the Far East, their lives were saved.

Thus, the Far East turned to be a region, where some of European Jews could find a refuge during the above-mentioned period. Moscow did not carry out its initial pledge to accept a part of the refugees in the newly established Jewish Autonomous Region. Nevertheless, the USSR authorities provided and secured their transit via the Soviet territory, therefore helping them to save lives. The position taken by Japan in the "Jewish question" also was a significant chance for their salvation. At the same time, only philanthropic organizations and Jewish communities in China focused their efforts and did as much as they could for the support and help to the Jewish refugees, appeared in the Far East.

REFERENCES

1. *Evreyskaya zhizn'*. (1933). № 44-45.
2. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9498. List 1. File 269.
3. The State Archive of the Jewish Autonomous Region (GA EAO). Fund 1. List 1. File 412.
4. The State Archive of the Russian Federation. Fund 9498. List 1. File 70.
5. The State Archive of the Khabarovsk Territory (GAKhK) Fund 2. List 1. File 459.
6. Kostyrchenko, G.V. (2003) *Taynaya politika Stalina: vlast' i antisemitizm* [Stalin's Secret Policy: Power and Anti-Semitism]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
7. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9498. List 1. File 459.
8. Anon. (1943) *Birobidjan and the Jews in the Post-War World* [Birobidjan and the Jews in the Post-War World]. The YIVO Archive. New York, USA. pp. 5.
9. American Jewish Archives. Tsintsinnati, SShA. Marcus Collection. Ambijan Bulletin. 1947. April. Vol. VI. No. 3.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7541. List 1. File 815.
11. Weiserman, D. (1993) *Kak eto bylo?* [How was it?]. Birobidzhan: [s.n.].
12. Author's personal archive.
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9498. List 1. File 439.
14. *Nailebn*. (1936). September.
15. *Izvestiya VTsIK*. (1936). 15th March.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9498. List 1. File 95.
17. Rovner, A. (1937) Pen Portraits of American Jews in Birobidja. *Nailebn*. April.
18. *Nailebn*. (193). March.
19. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 82. List 2. File 489.
20. Anon. (n.d.) *Evianskaya konferentsiya* [The Evian Conference]. In: Pratt, N. (ed.) *Elektronnaya evreyskaya entsiklopediya* [Electronic Jewish Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://eleven.co.il/jewish-history/holocaust/14977/> (Accessed: 30th July 2019).
21. *Evreyskaya zhizn'*. (1940a) 1-2.
22. Goodman, D. & Miyazawa, M. (1995) *Jews in the Japanese Mind: the History and Uses of Cultural Stereotype*. New York: Lexington Books.
23. Fridman, M. (1999) Kharbinskaya evreyskaya obshchina pod rukovodstvom d-ra A.I. Kaufmana [Harbin Jewish Community led by Dr. A.I. Kaufman]. *Byulleten' Iotsey Sin*. 361.
24. Izgur, A. (1941) Shankhay – dal'nevostochnyy evreyskiy tsentr [Shanghai – Far Eastern Jewish Center]. *Evreyskaya zhizn'*. 50-51.
25. Krebs, G. (2004) The Jewish Problem in Japanese-German Relations, 1933–1945. In: Bruce Reynolds, E. (ed.) *Japan in Fascist Era*. New York; Hampshire: Springer. pp. 107–132.
26. Anon. (n.d.) *Bezhtensy. The Holocaust Encyclopedia* [Refugees. The Holocaust Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/refugees>. (Accessed: 31st July 2019)
27. Guseva, E. (2013) Yaponskiy Vallenberg [Japanese Wallenberg]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. September.
28. Masyukova, I.V. (2006) *Evreyskaya immigratsiya v Palestinu v kontekste Vtoroy mirovoy voyny* [Jewish immigration to Palestine in the context of World War II]. In: Karasova, T.A. (ed.) *Palestina i Izrail' ot Vtoroy mirovoy voyny do nashikh dney* [Palestine and Israel from World War II to the present day]. Moscow: RAS. pp. 119–133
29. *Evreyskaya zhizn'*. (1940b). 29.
30. *Evreyskaya zhizn'*. (1940c). 30.
31. *Evreyskaya zhizn'*. (1940d). 28.
32. Altman, I.A. (2014) Pravednik narodov mira Chiune Sugikharu [The Righteous Among the Nations of the World Chiune Sugihara]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 5. pp. 184–203.
33. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 0146. List 24. 227. File 46.
34. Berkovich, A. (1943) Ot Kovno do Shankhaya [From Kovno to Shanghai]. *Evreyskaya zhizn'*. 7.
35. Ginzburg, A. (1941) Emigrantskaya evreyskaya koloniya v Shankhae [Emigrant Jewish colony in Shanghai]. *Evreyskaya zhizn'*. 11.
36. Ross, J. (2007) Shankhayskoe getto [Shanghai Ghetto]. *BIIS*. 394.
37. *BIIS*. (2001) 369.
38. Fishkov, S. (2003) V ozhidanii okonchaniya voyny [Waiting for the end of the war]. *BIIS*. 377.